

Абкадырова Ирина Рустэмовна

РОЛЬ И ФУНКЦИИ СЛОВ-РЕАЛИЙ МЕКСИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОМАНЕ К. ФУЭНТЕСА "СТАРЫЙ ГРИНГО"

В данной статье проводится анализ актуализации мексиканских слов-реалий в романе К. Фуэнтеса "Gringo viejo" (в переводе "Старый гринго"), которые в соответствии с синтагматическим критерием делятся на шесть групп: природно-географические слова-реалии; реалии-антропонимы; слова-реалии социальной сферы; бытовые слова-реалии; слова-реалии, обозначающие черты национального характера, или единицы "культурного фонда".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. I. С. 15-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

в художественном произведении микротексты, как правило, могут состоять из двух или более абзацев. В этом случае абзац воспринимается как часть микротекста. А иногда размеры микротекста и абзаца могут совпадать. В некоторых случаях абзац служит связующим звеном нескольких микротекстов, выполняя функцию продолжения хода мысли. В этом случае абзац рассматривается как единица, превышающая даже микротекст.

В тексте дается информация с определенной целью и для определенного адресата. Текст в языковой системе является самой крупной синтаксической единицей и объясняется содержательными, коммуникативными, номинативными структурными характеристиками.

Текст состоит из отдельных мыслевыражений и объединяется в сверхфразовые единства. У текста имеется определенная форма, адаптированный для восприятия и понимания язык, т.е. текстообразующие или их составляющие элементы располагаются не хаотично. У них есть определенная последовательность. Каждый текстообразующий элемент выполняет соответствующую функцию для обеспечения целостности текста. Некоторые особенности и функции языковых явлений, на которые не всегда обращалось внимание в традиционных структурных исследованиях языкознания, нашли свое прояснение в изучении текстообразующих функций языка.

Поэтому на сегодняшний день одной из актуальных проблем лингвистики текста являются структура текста и структурно-содержательные, текстообразующие единицы и особенности их взаимосвязи.

Список литературы

1. Азимжанова Г. Қазақ көркем проза мәтінінің прагматикалық әлеуеті. Алматы: Ғылым, 2006. 320 с.
2. Байгурсьнов А. Тіл құрал. Сөйлем жүйесі мен түрлері. Қызылорда: Мектеп, 1925. 436 с.
3. Буркигов О. Қазақ тіліндегі қайталамалардың лингвистикалық жүйесі: дисс. ... д. филол. н. Алматы, 2002. 285 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс]. М.: Наука, 1981. 139 с. URL: <http://linguistics-online.narod.ru/index/0-335>.
5. Қайшығұлова Ж. Қазақ мәтінінің күрделі фразалық тұтасым / абзац деңгейінде мүшеленуі: дисс. ... к. филол. н. Алматы, 2001. 137 с.
6. Қордабаев Т. Тарихи синтаксис мәселелері. Алматы, 1964. Ғылым. 363 с.
7. Салкынбай А., Абақан Е. Лингвистикалық түсіндірме сөздік. Алматы: Сөздік-Словарь, 2002. 301 с.
8. Тіл білімі энциклопедиясы. Алматы: Ғылым, 1998. 480 с.

PROBLEMS OF TEXT FORMATION

Abikenova Gul'nat Tokenovna, Doctor in Philology
Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University
abikenova-gt@mail.ru

The article considers the topical problems of linguistics, such as the formation of texts, text-formative means, the structural parts of a text and text formation functions. All units (word, sentence, complex syntactic unity) of linguistic level in the structure of a text can participate in the formation of a text. Text-formative units are selected at the wish of the author. Each text depending on informational, communicative, aesthetic, cumulative characteristics performs its functions for society.

Key words and phrases: text linguistics; text; text-formative means; paragraph; structure of literary text; super phrase units.

УДК 811.134.2

Филологические науки

В данной статье проводится анализ актуализации мексиканских слов-реалий в романе К. Фуэнтеса «Gringo viejo» (в переводе «Старый гринго»), которые в соответствии с синтагматическим критерием делятся на шесть групп: природно-географические слова-реалии; реалии-антропонимы; слова-реалии социальной сферы; бытовые слова-реалии; слова-реалии, обозначающие черты национального характера, или единицы «культурного фонда».

Ключевые слова и фразы: слова-реалии; классификация слов-реалий; индихенизмы; мексиканская культура; роман К. Фуэнтеса «Старый гринго».

Абкадырова Ирина Рустэмовна
Южный федеральный университет
irina.abkadirova@gmail.com

РОЛЬ И ФУНКЦИИ СЛОВ-РЕАЛИЙ МЕКСИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОМАНЕ К. ФУЭНТЕСА «СТАРЫЙ ГРИНГО»[©]

В последнее время усилился интерес учёных к исследованию фактов языка, определяющих национально-культурную специфику того или иного этноса, а также раскрывающих особенности его национального характера.

Одним из самых ярких культурно-специфичных пластов лексики являются слова-реалии. Они описывают признаки предметов или явлений, которые наделены культурным своеобразием и могут выступать маркером, сигнализирующим о принадлежности создателя текста к определенной лингвокультуре. Этот факт приобретает особую значимость с точки зрения прагматики речи: чтобы корректно смоделировать тот или иной национальный коммуникативный стиль, необходимо знать, какими словами-реалиями оперирует в данном контексте непосредственно носитель данного коммуникативного стиля.

В данной статье рассматривается роль и функции мексиканских слов-реалий на материале романа «Gringo viejo» (в русском переводе «Старый гринго») К. Фуэнтеса, который является культовым мексиканским писателем, получившим ряд национальных и международных премий, и входит в число членов Мексиканской академии языка. Анализируемый роман посвящен одной из ключевых тем для мексиканского общества – Революции 1910-х годов и отношениям между жителями Мексики и США. Писатель положил в его основу историю Амброза Бирса, журналиста, который приехал в Мексику и бесследно исчез в этой стране.

Выбор материала исследования обусловлен несколькими факторами: 1) *место действия*: события романа разворачиваются на территории Мексики; 2) *время написания*: произведение относится к современной литературе и отражает значимые исторические проблемы и политические вопросы этой страны. Автор является носителем культуры, о которой пишет, и его восприятие Мексики происходит сквозь призму автостереотипов, т.е. представлений мексиканцев о собственной нации.

Всю совокупность слов-реалий романа можно классифицировать на *свои* и *чужие*. Под *своими* словами-реалиями нами понимаются лексические единицы, обозначающие предметы и явления, характерные для родной культуры писателя (в данном случае – мексиканской); к *чужим* относятся слова-реалии, обозначающие элементы всех других культур, неродных для автора.

Группу *своих* (мексиканских) слов-реалий можно разделить на следующие подгруппы в соответствии с синтагматическим параметром классификации, предложенной Ю. С. Гумен [1, с. 37-38]:

1. Слова-реалии, относящиеся к **природно-географической среде**, которые, как правило, выполняют локализующую функцию. К данной группе относятся как географические названия, как и обозначения эндемиков, единиц флоры и фауны.

Слова-реалии данной подгруппы обозначают хорошо известными представителям мексиканской культуры географические образования. Соответственно, их употребление в произведении направлено на то, чтобы читатель их узнал и смог опознать по ним место действия романа. Например:

...las tierras de **Chihuahua** y el río **Grande** venían misteriosamente a morir aquí, en este páramo donde ellos, un grupo de soldados, mantenían por unos segundos la postura de la piedad, azorados ante su propio acto y la compasiñn hermana del acto [4, p. 61]...

...земли **Чуауа** и **Рио-Гранде** каким-то чудесным образом сходились здесь, чтобы умереть на этой равнине, где они, эти несколько мексиканских повстанцев, застыли на минуту в скорби [3, с. 7]...

Поскольку река Рио Гранде (el río Grande) образует естественную границу между США и Мексикой, то значительное количество нелегальных мексиканских иммигрантов переправляются через нее в поисках более высоких заработков.

Arroyo dijo que el tren le había pertenecido a una familia muy rica, dueña de la mitad del estado de **Chihuahua** y parte de los estados de **Durango** y **Coahuila** también [4, p. 77].

Арройо сказал, что поезд некогда принадлежал одной очень богатой семье, владевшей половиной штата **Чуауа**, да еще землями в штатах **Дуранго** и **Коауила** [3, с. 22].

Чуауа (Chihuahua), **Дуранго (Durango)** и **Коауила (Coahuila)** – штаты, расположенные на севере Мексики, недалеко от границы с США. Отметим, что лексемы **Чуауа (Chihuahua)** и **Коауила (Coahuila)** являются индихенизмами, что подчеркивает индейский сегмент местного национального колорита. В целом индейский компонент достаточно широко представлен в местной топонимике.

Индихенизмы, представленные в романе, обозначают также названия различных растений. Например:

...los soldados y el cadáver del gringo viejo, envuelto en una frazada y amarrado, tieso, a un trineo del desierto: una camilla de **ocote** y cuerdas de cuero arrastrada por dos caballos ciegos [4, p. 58].

...солдаты и сухое тело старого гринго, завернутое в одеяло и привязанное к носилкам из **сосновых ветвей**, переплетенных ремнями, — к этой древней мексиканской волокуше, которую тащили две слепые лошади [3, с. 8].

Науатлизм **ocote** (мексиканская сосна) ориентирует читателя на то, что действие романа происходит в Латинской Америке. Отметим, что один из городов штата Халиско носит однокоренное к данной лексеме название (Ocotlán).

К другим словам-реалиям данной подгруппы, встречающимся в произведении, относятся: **canica** (каника – кустарник семейства вербеновых), **mezquite** (меските – род акации), **biznaga** (биснага – кактусовое растение) и др.

2. **Антропонимы** в романе «Gringo viejo», как правило, обладают культурно-специфическим своеобразием. По степени авторизации их представляется возможным разделить на две подгруппы:

а) *антропонимы с нулевой авторизацией*, т.е. прецедентные имена собственные реальных людей или персонажей. В романе присутствуют имена мексиканских исторических деятелей: **Панчо Вилья (Pancho Villa)**, **Венустуано Карранса (Venustiano Carranza)**, **Альваро Обрегон (Álvaro Obregón)**, **Франсиско Мадеро (Francisco Madero)**, **Эмилиано Канампа (Emiliano Zapata)**, **Викториано Уэрта (Victoriano Huerta)**. Например:

Wilson era el candidato salido de la universidad de Princeton, Teddy Roosevelt se había separado para formar el partido Bull Moose y en México unos bandidos llamados Carranza, Obregón, Villa y Zapata se habían levantado en armas con el propósito secundario de vengar la muerte de Madero y de derrocar a un tirano borracho, pero con el propósito principal de robarle sus tierras al señor Hearst [4, p. 70].

Затем Вильсон становится кандидатом при большой поддержке Принстонского университета, Теодди Рузвельт формирует свою партию из «мятежных» республиканцев, а в Мексике бандиты по имени Карранса, Обрегон, Вилья и Сапата с оружием в руках намерены отомстить за смерть Мадеро и свергнуть пьянчугу-тирана Уэрту, но – и это главное – отнять земли у господина Херста [3, с. 17].

Обрегон (*Obregón*), Карранса (*Carranza*), Вилья (*Villa*), Сапата (*Zapata*) – реалии-персоналии, обозначающие активных участников Мексиканской революции. Мадеро (*Madero*) – известный политический деятель Мексики начала XX века.

Слова-реалии этой подгруппы используются, как правило, для обозначения временного фона, создания исторического контекста и правдоподобия. Однако некоторые реалии-персоналии употребляются в тексте в переносном значении. Так, в частности, имя одного из вождей Мексиканской Революции, Панчо Вилья (*Pancho Villa*), приобретает значение «революционер, борец за свободу и независимость»:

– ¡Villa! ¡Villa! ¡Viva Villa! – gritaron todos juntos, hasta que un soldado con un sombrero amarillo estriado de sudor y plvora gritñ riendo desde el techo de un furgñ:

– ¡Todos somos Villa [4, p. 71]!

Вилья! Вилья! Вива Вилья!— орали все хором, пока какой-то солдат в буром – от пота и пороха – сомбреро не завопил, хохоча на крыше вагона: – Мы все тут – Вилья [3, с. 18]!

б) авторизованные антропонимы, т.е. типичные для мексиканской культуры окказиональные имена собственные. Например: **Inocencio Mansalvo, Frutos García, Paquita Lobo, Don Rodrigo Pola, Abelardo Holguín.**

Inocencio Mansalvo mirñ duro a su coronel Frutos García y se puso el sombrero tejano cubierto de tierra [4, p. 58].

Иносенсио Мансальво в упор взглянул на своего полковника Фрутоса Гарсию и надел на голову запыленное пылью сомбреро [3, с. 8].

Реалии-персоналии Иносенсио Мансальво (*Inocencio Mansalvo*), Фрутос Гарсиа (*Frutos García*) обозначают вымышленных революционеров, однако подобные имена распространены на территории Мексики, что позволяет читателям идентифицировать данных персонажей как мексиканцев.

3. Слова-реалии, обозначающие исторические и общественно-политические события Мексики, а также политическую структуру общества, экономическую и хозяйственную деятельность. В основе романа лежит описание событий Мексиканской Революции 1910-х гг.:

Dividieron la conciencia de la revolución y permitieron que el borracho Huerta impusiera la infame leva nacional [4].

Они затуманили революционное сознание и позволили пьянчуге Уэрте провести принудительную вербовку в армии [3, с. 128].

Los federales son más bravos que cualquier canijo perrito de éstos [4, p. 82].

А федералы – то позлее этих паршивых щенков [3, с. 25].

К словам-реалиям данной подгруппы также относятся Американо-мексиканская война (*la Guerra de Secesión*), Североамериканская интервенция 1847 г. (*invasión de 1847*) и др.

4. Слова-реалии, обозначающие предметы обихода, единицы измерения, традиции и обычаи. В произведении присутствует значительное количество слов-реалий, обозначающих элементы быта: *brasero* (переносная жаровня); национальной одежды: *sarape* (*саране* – шерстяной плащ), *paliacate* (большой яркий платок), *jorongo* (пончо, шерстяное покрывало), *sombrero* (*сомбреро* – широкополая шляпа); национальные блюда и напитки: *moronga* (*морсилья*), *pulque* (*пульке*), *tequila* (*текила*). Например:

...le tapñ con el sarape el seno descubierto, pequeño y redondo [4, p. 102]...

...натянул саране на обнажившееся плечо, маленькое и округлое [3, с. 41]...

...precisamente lo que Carranza más odiaba, un campesino descalzo, iletrado, bebedor de pulque y mascador de tacos [4]...

...он – тот, кого Карранса так ненавидел, босоногий и неграмотный крестьянин, любитель выпить крепкого пульке и пожевать тако [3, с. 129]...

5. К. Фуэнтес актуализирует ряд слов-реалий, обозначающих ключевые национальные концепты, определяющие мексиканский национальный характер. В частности, он раскрывает характерные для Мексики модели поведения мужчины и женщины через концепт *macho* (*мачо*):

...ahora Arroyo era el macho que se cogiñ a la gringa y lavñ con una eyaculaciñ rápida las denotas de Chapultepec y Buenavista [4, p. 168].

...я – Арройо – настоящий мачо, овладевший грингой и одним махом стеревший все воспоминания о поражениях мексиканцев при Буэнависте и Чапульменеке [3, с. 90].

Концепт *macho* (*мачо*) тесно связан с понятием *machismo* (*мачизма*), под которым понимаются такие качества, как «мужественность, обостренное чувство собственного достоинства, стремление к завоеванию уважения в глазах общества и лидерства» и который предполагает определенный «стиль поведения, демонстрирующий высокую сексуальную потенцию, превосходство над женщиной и детородные способности» [2, с. 167].

Словарь Ц. Макасага определяет данное понятие как «осознание превосходства мужчины над женщиной» [6, p. 227]. Такое понимание позволяет включать в концепт *macho* сему насилия и жестокости по отношению к женщине:

...un fuego que le pertenecía a todo esto que era de ella y que ahora él quería atribuirse a sí mismo, con su arrogancia de macho y su implacable teatralidad, ella lo vio una vez muy detenido en una de sus posturas espontáneas, no aprendidas, un torero en un coso vacante a la medianoche, rodeado del hedor muerto de las bestias, un tenor insospechoso de una de las ñperas italianas que su madre la Llevñ a ver en el National Theater, pero nuevamente desprovista de decorados, vestuario, cortinas de brocado: un cantante desnudo, sí, casi un niño de modales nerviosos, ascendentes, a medio llenar [4, p. 186].

... огонь, принадлежавший ей и всему, что ей принадлежало, который он хотел считать своим, зажженным его мужской неотразимостью и его яркой театральностью: он вдруг снова представил ей в одной из своих неожиданных поз, нет, совсем не нарочитых: вот – тореро, красующийся на пустой полуночной арене в затхлом запахе убитых животных, а вот – знаменитый тенор в одной из итальянских опер, которые она слушала с матерью в Национальном театре, но здесь – с другой декорацией, с другими костюмами и с парчовыми занавесями – нагой певец, да, почти ребенок, принявший образ самца-мужчины [3, с. 103].

Однако представляется затруднительным дать однозначно негативную оценку понятию *macho* (*macho*): «На практике отношение самого говорящего к мужчине, которого он (или она) называют «мачо», варьируется от крайне отрицательного (презрения, унижения) до крайне положительного (восхищения, уважения)» [2, с. 167].

Необходимо отметить также связь данной реалии с другим культурным понятием – *chingar*. О. Пас в эссе «Лабиринт одиночества» (оригинальное название «El laberinto de la soledad») указывает на связь между понятиями *macho* и *chingar*: «*El —Mcho” es el Gran Chingñn*» [5, p. 33] / *Мачо – великий распутник и негодяй (перевод автора – И. А.)*. Словарь Ц. Макасага выделяет в слове «*chingar*» две семы: 1) раздражать, травить, докучать (*molestar, acosar, importunar*); 2) распутничать (*fornicar*) [6, p. 102].

О. Пас в эссе «Лабиринт одиночества» также отмечает значимость психологии побежденного народа для мексиканской культуры. По мнению писателя, у слова *chingar* множество значений, оно отражает характер отношений мексиканцев между собой. Для них жизнь – это возможность унижить, наказать, оскорбить (*chingar*) или быть униженным, наказанным и оскорбленным (*ser chingado*) [5, p. 32].

Частотность употребления данного слова-реалии свидетельствует о ее значимости: в романе К. Фуэнтеса «*Gringo viejo*» она употребляется 11 раз. Например:

...y carajo, no como tú, miss Harriet, maldita seas, ni como La Luna tampoco, **chingada** sea, la última muchacha que mi padre se cogió jamás no era como ninguna mujer que yo haya tenido nunca, **chingada** seas gringa, nadie como esa mujer, digo **chingada** seas gringa y **chingada** sea La Luna y **chingadas** sean todas las viejas que no se parecen a mi madre que es la melliza de la última mujer que mi **chingado** padre tuvo jamás [4]...

...и... ох, дьявол, не как ты, мисс Гарриет, будь ты проклята, и не как Луна, будь она **неладна**. Последнюю девушку, которую взял мой отец, не сравнить ни с одной женщиной, какие у меня были, ни с одной... и пошли вы все к... и ты, и Луна, и все девки, которым далеко до моей матери, потому что мать моя, как сестра родная той, последней женщины, которую испохабил мой **сволочный** отец [3, с. 145-146].

6. Слова-реалии, относящиеся к культурному фонду, формируют национальное своеобразие, поскольку набор аллюзий и цитат уникален для каждого этноса. Например, К. Фуэнтес приводит высказывания мексиканского президента и диктатора Порфирио Диаса:

Un anciano alerta, el deleite de los periodistas, un viejo tirano con genio para las frases publicables: «Pobre México, tan lejos de Dios y tan cerca de los Estados Unidos» [4, p. 70].

Бдительный старец, сокровище для журналистов, дряхлый тиран, способный повторять расхожие фразы, например: «Бедная Мексика, так далеко она от Бога и так близко от Соединенных Штатов» [3, с. 17].

«*Mátenlos en caliente*» [4, p. 70].

«Поддать им жару, нуль не жалеть» [3, с. 17].

Первая фраза характеризует отношения между Мексикой и США: в результате войн между этими двумя странами Мексика потеряла значительную часть своих территорий. Без знания данной культурной реалии читателю непонятно, кто подразумевается под лексемой *Un anciano* (*старик*). Вторая цитата – это текст телеграммы, которую П. Диас отправил Луису Мейеру и Тегерану в Верукрус с приказом уничтожить недовольных.

В тексте также приводится фрагмент письма А. Бирса, характеризующий отношения Мексики и США: *Ser un gringo en México. Eso es mejor que suicidarse* [4, p. 58].

Быть гринго в Мексике... значит – легко умереть [3, с. 108].

Слова-реалии данной группы выполняют интертекстуальную функцию, вписывая роман в общий контекст мексиканской культуры. Прецедентные высказывания, широко распространенные в мексиканском коммуникативном стиле, могут быть малоизвестны представителям других испаноязычных наций.

Таким образом, в романе мексиканского писателя слова-реалии этой страны выполняют локализирующую, эмотивную, интертекстуальную и др. функции, что должно быть учтено при моделировании коммуникативного стиля этой нации немексиканскими модальными личностями.

Список литературы

1. **Гумен Ю. С.** Функционирование культурно-специфической лексики в структуре поэтического текста (на материале современной англоязычной поэзии): дисс. ... к. филол. н. СПб., 2004.
2. **Котовская М. Г., Шалыгина Н. В.** Гендерные исследования. Анализ феномена мачизма // *Общественные науки и современность*. М., 2005. № 2.
3. **Фуэнтес К.** Старый гринго. М.: АСТ; Астрель, 2010. 318 с.
4. **Fuentes C.** Gringo viejo. México: Fondo de cultura económica, 1985. 189 p.
5. **Paz O.** El laberinto de soledad. Mexico: Fondo de Cultura Economica, 1999. 351 p.
6. **Vocabulario esencial mexicano:** lexico de las cosas de Mexico / C. M. Ordoño. México: Informática Cosmos, 1999. 389 p.

**ROLE AND FUNCTIONS OF MEXICAN CULTURE WORDS-REALIA
IN NOVEL "THE OLD GRINGO" BY K. FUENTES**

Abkadyrova Irina Rustemovna
Southern Federal University
irina.abkadirova@gmail.com

The article presents the analysis of the actualization of the Mexican word-realia in the novel –Gringo viejo” (translated as –The Old Gringo”) by K. Fuentes, which according to the syntagmatic criteria are divided into six groups: natural and geographical words-realia; realia-anthroponyms; the words-realia of social sphere; everyday words-realia; words-realia denoting the features of national character, or the units of –cultural fund”.

Key words and phrases: words-realia; classification of words-realia; indigenisms; Mexican culture; novel –The Old Gringo” by K. Fuentes.

УДК 81-119

Филологические науки

В статье рассмотрены основные подходы к описанию глагольной семантики, служащие предпосылками ее когнитолингвистического анализа. Традиционный семантический подход дополнен тезисами психолингвистической теории, которая, в свою очередь, обогащается когнитивно-семантическим описанием семантики глагольного слова. Рассмотрев ряд теорий из области когнитивной семантики, автор приходит к выводу, что наиболее полно отвечают возможности проведения категоризации глаголов и когнитивно-семантического моделирования прототипическая теория и фреймовая семантика.

Ключевые слова и фразы: семантическая структура; семантика глагола; лексико-семантическая группа; психолингвистика; когнитивная семантика; лексическая концептуальная структура; прототипы; фреймы.

Айрапетян (Маркарян) Рузанна Рубеновна

Пятигорский государственный лингвистический университет
ruzanna2506@gmail.com

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОГНИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) ©**

В системе большинства европейских языков глагол всегда занимал особое место, так как именно с его помощью репрезентируется основная структурная и смысловая нагрузка предложения. Проблемам глагольной семантики посвящены, без преувеличения, тысячи больших и малых работ, однако эта тема до сих пор не теряет своей актуальности в германистике именно потому, что глагол формирует вокруг себя смысловой (семантический) центр большинства высказываний, генерируемых на английском (немецком, голландском, шведском и т.д.) языке. В настоящей статье мы остановимся на теоретических предпосылках, позволяющих осуществить когнитивно-лингвистический анализ семантики лексем, принадлежащих к классу глаголов. Сразу оговоримся, что мы не ставим целью дать подробный и полный обзор существующих лингвистических трактовок глагола – такая задача представляется невыполнимой не только в рамках отдельной статьи, но и в рамках целой монографии. Остановимся на точках зрения, представляющихся релевантными в аспекте именно когнитолингвистического анализа глагольной семантики.

Логичным представляется начать с воззрений представителей русской грамматической традиции. По-разному рассматривали глагол последователи фортунатовской школы и группа ученых во главе с А. А. Потебней. Если первые едва ли не упразднили глагол из морфологии, отделив его от так называемых «отглагольных словообразовательных категорий», то вторые, опираясь на взгляды В. Гумбольдта и Х. Штейнталя, считали глагол независимой грамматической формой. А. А. Шахматов, опровергая приписанное